

Глава 23. За меня осуши бокал, до краёв наполнив вином

Ши Уло не ответил.

Он и так был молчалив, а хмель сделал его ещё более тихим. Его длинные пальцы перебирали волосы Цю Бодэна, и тёмные пряди струились сквозь его бледные пальцы, словно вода. Цю Бодэн искоса взглянул на него, затем слегка отвернулся и, лениво покачивая кувшин с вином, стал смотреть на клубящийся и рассеивающийся за пределами города туман.

Деревянный гребень коснулся его головы. Рука Цю Бодэна, покачивавшая кувшин, замерла.

«Он что, носит с собой гребень?»

Враг богов и демонов, глава Десяти Шаманов, заноза в глазу Ста кланов... человек, чьё имя было омыто кровью, носил с собой не только меч, но и гребень? Если об этом станет известно, лица тех, кто боится его как чумы, наверняка станут очень выразительными.

Цю Бодэн представил себе эту картину и не смог сдержать смешка.

Тут же его плечо мягко, но властно удержали на месте.

Рука, лёгшая ему на плечо, была прохладной, и даже сквозь одежду ощущался лёгкий холод, но хватка была сильной.

— Не двигайся, — тихо сказал Ши Уло и, помедлив, добавил, как и в прошлый раз: — Это ненадолго.

— Сделаешь больно — я тебя сброшу, — с улыбкой ответил Цю Бодэн.

Молодой человек ничего не сказал. Опустив взгляд, он сосредоточенно провёл гребнем сверху вниз, и тёмные пряди, скользнув по зубьям, послушно распрямились до самых кончиков. Цю Бодэн снова уловил на его руках лёгкий, свежий и прохладный аромат трав.

«Это потому, что он колдун?»

В древности «медицина» писалась как «и». Это древнее написание было связано с шаманской традицией. Легендарный У Пэн был первым лекарем, что говорило об общем истоке колдовства и врачевания. Использование трав для исцеления людей было одним из видов колдовского искусства. Ши Уло, будучи главой Десяти Шаманов, наверняка постоянно имел дело с травами, так что нет ничего удивительного в том, что его одежда пропиталась их свежим ароматом. Однако Цю Бодэну казалось, что в этом запахе есть ещё одна очень слабая нотка, напоминающая аромат какой-то холодной травы, растущей на далёкой и одинокой горной

вершине. Этот запах был ему смутно знаком.

Цю Бодэн повернул голову, чтобы спросить.

В этот момент Ши Уло протянул руку и убрал прядь волос, упавшую ему на лицо. Холодная тыльная сторона его пальцев скользнула по губам.

Словно зимним днём поднять голову и ощутить на губах лёгкое, невесомое касание первой снежинки.

— Готово.

Сказал Ши Уло и закрепил его волосы деревянной шпилькой.

Цю Бодэн повернулся и посмотрел на него. Ши Уло снова сел прямо и спокойно встретил его взгляд.

За его спиной виднелись редкие ветви божественного дерева Фу, и лунный свет, словно летящий месяц, осыпал его всего. Его глаза были слишком светлыми, словно чистое небо или прозрачное до дна озеро, и на таком близком расстоянии в них отчётливо отражался силуэт Цю Бодэна.

Они смотрели друг на друга некоторое время, после чего Цю Бодэн бросил ему кувшин и коротко приказал:

— Пей!

Ши Уло опустил взгляд и налил себе вина. Его движения казались такими же, как и прежде, но, присмотревшись, можно было заметить, что он делает всё — поднимает ли чашу, наливает ли вино — с небольшой задержкой.

Не похоже, чтобы он притворялся пьяным.

Цю Бодэн с усмешкой хмыкнул и выхватил у него чашу.

Ши Уло посмотрел на свою пустую руку и растерянно поднял на него глаза. Цю Бодэн, не обращая на него внимания, отставил чашу подальше. Помня приказ Цю Бодэна пить, Ши Уло, помедлив мгновение, поднял кувшин и начал пить прямо из горла.

— ...И впрямь пьян.

Цю Бодэн со странным чувством посмотрел на него.

Вино «Цзянь» в городе Фу было довольно крепким. Сначала казалось, будто во рту холодная вода, но, стоило ему коснуться горла, как оно тут же вспыхивало огнём. Ши Уло пил очень медленно, после каждого глотка делая небольшую паузу. Его глаза, казалось, были ясными, но на самом деле взгляд уже расфокусировался. Похоже, он и вправду собирался выпить весь кувшин.

Цю Бодэн, который ещё не сделал ни глотка, огляделся и понял, что если он хочет выпить, у него осталась только та чаша, которую он только что отобрал у Ши Уло.

...

Вот уж действительно, сам себе вырыл яму.

— Ладно.

Цю Бодэн порылся и нашёл палочку для игры в лю бо, которой они играли позавчера с Цзо Юэшэном и остальными.

— В следующий раз ты меня угощаешь.

Сказав это, Цю Бодэн вдруг замер.

Молодой господин Цю в прошлой жизни из-за своих завышенных требований к дружбе так и не завёл ни одного друга.

С натяжкой «половинкой» друга можно было назвать того фольклориста, который навязался к нему после того, как он купил шаманскую маску но. Фольклорист удостоился чести стать «полудругом» благодаря тому, что был старым пропойцей и то и дело доставал хорошее вино со всех концов света.

Старый пропойца выглядел весьма неказисто и вечно лазил по каким-то горам и ущельям, но у него, на удивление, была очень красивая и утончённая жена, хотя она уже и умерла от болезни.

За несколько лет знакомства Цю Бодэн лишь однажды слышал, как тот упомянул свою жену, — в день Цинмин. Старый пропойца напился до беспамятства и, колотя себя в грудь, причитал, что всё из-за того, что он тогда забыл сказать, что в следующий раз угощает он. Только тогда Цю Бодэн узнал, что его покойная жена тоже была героиней, любившей выпить. Она вышла замуж за старого пропойцу именно потому, что тот каждый раз угощал её вином, а после выпивки нагло требовал, чтобы она угостила его в ответ. Так, ухаживая и навязываясь, он и заполучил девушку.

Пропойца верил, что их счастье держалось на этом обмене угощениями, и сохранил эту привычку и после свадьбы.

Одно угощение, один ответ, один ответ, и снова угощение — винные свидания бесконечны, и люди неразлучны.

«Я всего лишь раз забыл...»

Вой, подобный вою призрака, всё ещё звучал в его ушах.

Бесконечные винные свидания — вечная неразлучность? Разве бывают такие чудеса?

— Летящий свет, летящий свет, я угощаю тебя чашей вина.

Цю Бодэн ударил по чаше, и лунный свет, наполнявший её, словно гладкое зеркало, вмиг разбился на мириады искр. Палочка для игры, столкнувшись с краем чаши, издала чистый и звонкий звук.

— Я не знаю высоты лазурного неба и толщины жёлтой земли.

Я лишь вижу, как холодная луна и тёплое солнце испепеляют человеческую жизнь.

Смена дня и ночи — и человек стареет. В этом мире трудно найти белого оленя, редко встретишь журавля долголетия, парящий змей обращается в прах, а гадательная черепаха — в тлен.

Как бы ни было долго обещание, разве оно может быть дольше жизни и смерти?

На божественном дереве Фу, между небом и землёй, в безлюдном пространстве. Звук палочки становился всё быстрее, всё печальнее, и голос Цю Бодэна, словно струна, тронутая скорбью, поднимался всё выше.

— Съешь медведя — растолстеешь, съешь лягушку — похудеешь...

Дойдя до слов «где же божественный владыка», его голос достиг предела, и струна, казалось, вот-вот лопнет.

— Тайи...

Щёлк.

Холодный напиток пролился, струна внезапно оборвалась.

Не успев произнести «разве есть», Цю Бодэн почувствовал, как Ши Уло схватил его за палочку и чашу. Он сжал их с такой силой, что чаша и палочка в одно мгновение рассыпались в пыль.

Цю Бодэн медленно поднял на него глаза.

— Ты...

Ши Уло замолчал.

Молодой господин Цю считал, что его пение если и не было божественным, то уж точно не было заурядным. Услышать его — большая удача. Цю Бодэн поднялся и, глядя сверху вниз на Ши Уло, приготовился сбросить его, если тот осмелится сказать: «Не пой больше».

— Не прыгай с высоты.

Движение замерло.

Ши Уло, держа кувшин, тоже поднялся. Его стройное, как бамбук, тело слегка покачивалось.

— Не прыгай с высоты.

Он повторил это снова. Лунный свет отражался в его глазах, и было невозможно понять, пьян он или трезв. Но тон его был так серьёзен, словно он говорил о чём-то более важном, чем крушение небес и обращение всего сущего в прах.

— Это опасно.

— А если я всё-таки захочу прыгнуть?

Цю Бодэн спрятал руки в рукава.

Ши Уло молчал. Его лицо было наполовину скрыто в тени ветвей над головой, и его взгляда не было видно. Лунный свет скользил по его высоким скулам, и линии его лица казались холодными и острыми. Цю Бодэн подумал, что он действительно был главой Десяти Шаманов, человеком, враждующим с богами и демонами.

— Тогда я поймаю тебя.

Сказал он.

— Я больной на всю голову, — усмехнулся Цю Бодэн, его голос был мягким и насмешливым. — Откуда тебе знать, когда и где я захочу прыгнуть?

— Я поймаю тебя.

Неважно когда, неважно где.

Бледная луна поднималась всё выше, и вот она уже повисла прямо над ними. Свет и тень сместились. Глаза Ши Уло озарились холодным лунным светом, а лицо Цю Бодэна погрузилось в тень. Они стояли очень близко, но казалось, будто их разделяют два разных мира. Один упрямо ждал в свете, другой неподвижно стоял во тьме.

Ветер стих, ночь замерла.

Ш-ш-ш-ш.

Внезапно с неба посыпался целый ворох серебряных листьев дерева Фу, осыпав их с головы до ног.

— ...Я же сказал! Ещё раз уронишь на меня листья, я тебя на дрова порублю!

Цю Бодэн прикрыл голову одной рукой, а другой отмахивался от листьев, гневно ругаясь.

Листья продолжали падать, и казалось, их становилось всё больше.

— Ты скоро облысеешь, побереги последние листья! — беспомощно сказал Цю Бодэн.

Сквозь шелест листья Ши Уло всё так же упрямо стоял и смотрел на него. Цю Бодэн сорвал с себя тёмный плащ, бросил ему и, выхватив кувшин, повернулся и пошёл к самому краю ветви. Не оборачиваясь, он постукивал пальцами по кувшину, и остатки вина плескались внутри.

— На востоке есть дерево Жо, а под ним — дракон-свеча, держащий в пасти свечу.

Его голос летел по ветру, уже не печальный, не скорбный.

— Я отрублю дракону ноги, я съем драконье мясо.

Чтобы утром он не мог вернуться, а ночью — уснуть.

И тогда старые не умрут...

Цю Бодэн дошёл до края ветви и, подняв кувшин, выпил его до дна.

Кувшин разбился вдребезги.

— ...а молодые не будут плакать!

Он развернулся и, раскинув руки, без предупреждения упал назад. Алая одежда взметнулась, словно тысячи языков пламени,, дикая и необузданная.

Плач, похожий на похоронный вой, разносился по переулку.

Цзо Юэшэн в отчаянии ударился головой о стену и закричал:

— Е Цан! Прости! Я был неправ! Это точно кара! Это точно кара, а-а-а!

— Мама!

Лу Цзин, пьяный в стельку, сидел на корточках на земле. Его одежда была разорвана в клочья восторженными девушками города Фу, и он выглядел так, будто просил милостыню. К счастью, девушки, хоть и были смелыми, всё же сохранили остатки скромности и оставили ему пояс — а может, просто потому, что его пояс был соткан из шёлка золотой цикады и они не смогли его разрезать.

— Я отправился покорять мир!

Цзо Юэшэн повернулся и, свирепо глядя на него, пригрозил:

— Ещё раз заревёшь, я тебя прибью.

Лу Цзин, не обращая внимания, продолжал выть так, что, казалось, у него вот-вот лопнет череп.

...

Цзо Юэшэн глубоко вздохнул и начал оглядываться в поисках палки.

Зачем уговаривать? Нужно, чтобы этот парень понял, что такое дубиной по голове!

Осмотревшись, Цзо Юэшэн и вправду нашёл обломок столба. Милосердно вытащив из него гвозди, он потащил его обратно. Неизвестно, сработал ли инстинкт самосохранения, но, как только Цзо Юэшэн вернулся с обломком, вой Лу Цзина стих, оставив лишь прерывистые всхлипы.

Цзо Юэшэн выругался, бросил столб и, подняв обмякшее тело, собрался отнести этого парня обратно в семью Лю.

Едва он его поднял, как услышал, что Лу Цзин что-то бормочет:

— ...Трава возвращения души.

Цзо Юэшэн испугался и инстинктивно отпустил его, чтобы сбежать.

Но тут же вспомнил, что бояться ему нечего: подвеску Инь-Ян он для этого парня уже нашёл. Однако было поздно. Пьяный Лу Цзин с глухим стуком ударился затылком о землю. Цзо Юэшэн зажмурился.

Конец, теперь его будет преследовать Долина Медицины.

Спустя долгое время Цзо Юэшэн осторожно приоткрыл глаза и посмотрел вниз.

Лу Цзин лежал неподвижно, но из носа у него шёл пар.

Слава богу, жив.

— Зачем тебе эта трава возвращения души? — спросил Цзо Юэшэн, присев рядом и недоумевая. — Она что, и вправду может вернуть душу? Я не слышал, чтобы кому-то это удавалось!

— Я её видел.

Лу Цзин внезапно открыл глаза, напугав Цзо Юэшэна так, что тот чуть не опустил на него столб. Успокоившись, он понял, что парень всё ещё пьян, просто смотрит невидящим взглядом в небо.

— Я её видел... в миазмах.

— Ладно, ладно, да-да-да, — нетерпеливо сказал Цзо Юэшэн. — Естественно, где же ещё быть

мёртвым душам, как не в миазмах?

Когда человек умирает, его душа попадает в миазмы.

Большинство душ в миазмах превращаются в серые, бесформенные тени. У мёртвых душ нет лиц, и даже если ты увидишь кого-то с похожими чертами, это не тот, кого ты знал. Это лишь случайный облик, который скоро снова растворится. Первые две ступени совершенствования заклинателей — «Просветление сердца» и «Не-заблуждение» — нужны именно для этого.

Простые люди во время месяца миазмов запирались в городах и не видели этих бесформенных душ.

Но заклинатели совершенствовались, чтобы свободно проходить сквозь миазмы, не будучи привязанными к одному месту. И, войдя в миазмы, они могли увидеть там своих покойных близких.

У мёртвых душ нет лиц, и покойные — не те, кем были.

Поэтому нужно было просветлять сердце, а затем — не заблуждаться.

— Я не мог ошибиться... — пробормотал Лу Цзин. — Она не мёртвая душа...

— Смирись, — вздохнул Цзо Юэшэн, похлопывая Лу Цзина по плечу. — Ушедшего не вернуть, мёртвые упокоились с миром.

— Нет! Она не умерла! — Лу Цзин перевернулся и сел, глядя перед собой отсутствующим взглядом. — Она не умерла! Она там, в миазмах! Я должен... должен...

— Войти в миазмы и искать.

— Войти... да, — тяжело кивнул Лу Цзин. — Я должен войти в миазмы! Я должен найти матушку!

— Войдешь ты в свою голову!

Цзо Юэшэн процедил сквозь зубы, его лоб покрылся холодным потом. Последнюю фразу «войти в миазмы и искать» произнёс не он. Это был холодный мужской голос, донёсшийся из темноты в глубине переулка.

До этого момента Цзо Юэшэн и не подозревал, что в переулке есть кто-то ещё!

В одно мгновение в его голове пронеслись мысли о тайном заговорщике с шёлком душ, о восставшем из мёртвых Гэ Цине, о призраках и чудовищах. Он заслонил собой Лу Цзина и, сжимая обломок столба, медленно повернулся, чувствуя себя героем на пороге гибели.

«Старик! Твою тайную сокровищницу, похоже, мне не унаследовать...»

— А?!

Из глубины переулка вышел молодой человек в чёрной одежде. Он был хорош собой, но от него веяло холодом, и было ясно, что он не из добрых людей и может убить в любой момент. Но не это было главным. Главное было то, что на руках он нёс человека. Человека, который, судя по всему, был мертвецки пьян.

И этот человек был очень знакомым.

Алая одежда, чёрные волосы.

Чёрт возьми, да это же Цю Бодэн!

Цзо Юэшэн облегчённо вздохнул.

Похоже, его не убьют...

Молодой человек холодно взглянул на Цзо Юэшэна.

Только что выдохнувший с облегчением Цзо Юэшэн снова напрягся.

В тот миг, когда незнакомец посмотрел на него, Цзо Юэшэн почувствовал, как невидимый клинок скользнул по его шее. Положившись на многолетний опыт выживания под ледяным взглядом своего отца, он был готов поклясться, что этот человек только что хотел его убить!

Но почему?!

Даже если этот господин ошибочно предположил, что у них с Цю Бодэном нечистые отношения, то чёрт возьми, смотреть он должен был не на него, а на Лу Цзина!

Пока Цзо Юэшэн пытался понять, что происходит, Лу Цзин высунул голову из-за его спины.

— Что?! — выпалил Лу Цзин. — Так он не на два фронта играет? А на три?

...

У Цзо Юэшэна потемнело в глазах.

Конец!

Старик, твою сокровищницу и вправду некому будет унаследовать!

<http://bllate.org/book/16967/1586023>